

Мира Петрова
МОСКВА

ПЕРВЫЙ ОПЫТ РАБОТЫ ТЕКСТОЛОГА С АВТОРОМ

Многоопытный текстолог, Дмитрий Сергеевич Лихачёв любил повторять, что текстологией надо заниматься с живым классиком, только тогда работа может дать неколебимую гарантию соблюдения «воли автора», которой обычно клянутся текстологи и которую — увы! — сплошь и рядом трактуют по-разному. Возникают столетние текстологические войны, и на сцену выходит губительный для всякого дела фактор — борьба самолюбий.

Был, правда, один блистательный пример сотрудничества филолога с автором — Л.К.Чуковской с Анной Ахматовой. Лидия Корнеевна была исступлённым текстологом, знающим цену любой мелочи, но она обходилась без рутинных обрядов академической текстологии — не делала так называемую «пеструшку» и не составляла на её основе текстологический паспорт, где все разночтения — по всем источникам — выстраиваются в шеренгу, которую замыкают три графы: «Пояснения», «Предложения» и, наконец, вершинная, по мечте Д.С.Лихачёва, графа — «Решение автора» вместо бытующего от века — «Решения текстологической комиссии».

Все эти текстологические нормативы будут выдержаны в научном издании романа «В круге первом», которое готовится сейчас в академической серии «Литературные памятники», — первый случай появления в этой серии живущего классика. Текст «Круга» подготовлен на основании обширного текстологического паспорта с собственноручными пометами Солженицына (более четырёхсот!). И этот авторизованный текстологический документ будет сдан на хранение в Отдел рукописей ИМЛИ.

Я не собираюсь душить аудиторию текстологией — на слух и вне текста она вообще не воспринимается. Но общую картину сотрудничества текстолога с автором попытаюсь нарисовать, не пренебрегая биографическими и психологическими подробностями.

Наши текстологические штудии, по свидетельству самого Солженицына, начались вскоре после знакомства, которое он относит к 1966 году. Формально представление произошло годом раньше, 2 ноября 1965, в ЦГАЛИ, за два дня до появления в «Литературной газете» его статьи «Не обычай дёгтем щи белить...» (4 ноября). Солженицын тогда оценивал эту публикацию как знак некоего посветления атмосферы после сентябрьского мрака, когда был изъят его архив у В.Л.Теуша и Александр Исаевич ждал ареста. Полагаю, что именно в тот день он привёз в ЦГАЛИ один из машинописных экземпляров «Круга», рассчитывая на надёжность государственного архивного хранения.

Инициатором знакомства была моя цгалийская приятельница Миральда Георгиевна Козлова. Её одолевало желание впрячь меня в солженицынский воз, чему я противилась. Она-то и вызвала меня в ЦГАЛИ в день приезда Александра Исаевича и представила ему.

Об этом «представлении» он, разумеется, мгновенно забыл, я же от волнения ничего не видела и не слышала, но чрез моё замутненное сознание пробилась ярчайшая экспрессия весёлого и насмешливого удивления, с каким А.И. на меня уставился. Целый год я ломала голову, что бы это значило? — пока не споашилась (словцо Солженицына и Л.Толстого, между прочим) поделиться с Миральдой своим недоумением. Оказалось: она представила меня фразой: «Вот маленькая женщина, на плечо которой можно опереться», что и вызвало насмешливую экспрессию, особенно при моём полуобморочном виде.

Далее Миральда пригласила меня на авторское чтение «Ракового корпуса» в ЦГАЛИ (май 1966). Потом потребовала написать отзыв, пригрозив, что иначе не даст читать вторую часть повести. Пришлось сдаться. 1 июня 1966 я послала своё письмо-отзыв из Пярну на адрес Миральды, которая сочла, что написала я, «как дурочка», «не выдержала её аттестации» и она пребывает в сомнении, можно ли передавать такое позорище автору.

Но — передала. И последовала совершенно неожиданная для нас обеих реакция Солженицына, изложенная в «Невидимках». Ответ Александра Исаевича от 4 июля 1966 начинался словами: «Я поражён Вашим письмом...» — и содержал фразу: «Прочтите роман» (т.е. «В круге первом»).

Было выдано письменное предписание директору ЦГАЛИ Наталии Борисовне Волковой дать возможность мне прочесть «Круг» в читальном зале архива. А вторую часть «Ракового корпуса» я получила уже домой.

Потом Миральда, как пишет Солженицын в «Невидимках», «охотно устроила встречу — у Миры, в Воротниковском переулке»¹.

Да, «охотно» и, между прочим, явочным порядком: мол, встреча назначена, отменить нельзя, и баста. Преодолевая жуткий мандраж, я высказала свои суждения о «Раковом корпусе», которые Солженицын аттестовал как «отважные»².

И пошло-поехало.

Для начала я с большим энтузиазмом перепечатала «В круге первом», «Раковый корпус», «Олень и шалашовку» (один экземпляр себе, три — автору для самиздата). Потом мне была уготована роль первочитателя (индикатора, по слову А.И.), хотя в первом своём письме я предупредила: «У меня нет сознания своего права делать Вам замечания». «Привыкайте! — командовал Александр Исаевич. — Только критические замечания!» Он ещё не знал, какой бес критиканства сидит во мне, несмотря на почти религиозное отношение к его труду и жадность к его текстам.

В то время я делала первые шаги текстолога на ниве академического издания Горького (в ИМЛИ) и порою рассказывала Александру Исаевичу всякие текстологические страсти-мордасти. В частности, о цензурных изыятиях, которые авторы, по невниманию, забывают восстановить. Такой вычерк обычно оставляет в тексте рваную рану, и автору приходится её как-то стилистически заштукатурить. А текстолог теряет возможность «вживить» цензурный вычерк обратно.

Цензурные изыятия были в «Иване Денисовиче», и как-то само собой возникло желание провести текстологическую обработку «всех рассказов», опубликованных к 1966 году, пишет Солженицын в «Невидимках»³. На самом деле я провела обработку только двух рассказов — «Ивана Денисовича» и «Матрёны». Работали в согласном климате. Только когда А.И. решительно заносил перо для правки сразу набело, я буквально вцеплялась в его рукав и молила сначала попробовать начерно. Эти пробы по тексту «Ивана Денисовича» сохранились у меня то ли по случайности, то ли из опасения, что он их немедленно скомкает и разорвёт. (Вообще-то весь скопляемый у меня материал я отдавала А.И., даже против его желания, так как считала, что архив должен храниться в одном месте.) Обсуждали, разумеется, и изменённые в «Новом мире» заголовки. В «Телёнке» Солженицын написал о новомирской «страсти к смягчающим, разводняющим переименованиям»⁴. Я была против возвращения и неудобоваримого «Щ-854», да ещё с подзаголовком «Один день одного ээка», и против пословичного заголовка «Матрёнина двора» — «Не стоит село без праведника». Твардовский, обладавший отменным словесным слухом, сразу стал именовать рассказ «Праведница». Да и сам Александр Исаевич нимало не покушался на возврат старых заголовков. Мне, грешным делом, казалось, что и в предполагаемом новомирском

названии «Корпус в конце аллеи» больше смысловой игры, чем в лобовом — «Раковый корпус».

Позднее он ставил вопрос о переименовании романа «В круге первом» на более удобное для склонения «Круг первый». Я, по своей инерционности, высказалась за прежнее название, а потом жалела. Тогда же он предложил ещё два заголовка: «Шарашка» или «Шарага». Тут уж я просто вопила: в 60-е годы слово «шарашка» приобрело презрительный оттенок из-за расплодившихся засекреченных КБ; их именовали «шараш-монтаж». Первоначальный же заголовок — «В первом круге ада» — Н.А.Решетовская, по её воспоминаниям, предложила сократить на последнее слово⁵. В декабре 1997 я спросила Александра Исаевича, так ли это, — он подтвердил.

В мемуарном и публицистическом обиходе Солженицына чаще всего встречается «Круг первый» или просто «Круг». Когда речь заходит об истории создания: «Круг-87» («лекарственная» версия, по числу глав) и «Круг-96» («атомная» версия, тоже по числу глав).

При первом текстологическом опыте 1967 года меня поразило, что провинциальный автор не подвергся никакой стилистической правке в столичном журнале. Это говорило о вкусе новомирцев и зрелости якобы начинающего писателя («Круг-96» был уже написан). Опытный Твардовский сразу почуял масштаб и отточенное мастерство рязанского «новичка». 18 ноября 1962, в день выхода журнала с «Иваном Денисовичем», Александр Трифонович — раным-рано, в 5 часов, — перечитал «Матрёну» и не записал, а выдохнул в своём дневнике: «Боже мой, писатель. Никаких шуток»⁶.

В 60-е годы текстологией «Круга» я заниматься не могла, так как имела перед глазами всегда только одну, последнюю редакцию. Перепечатывала и «Круг-96» и как-то особо сложно сверяла его по двум разным перепечаткам, а списки опечаток относила Анне Самойловне Берзер в «Новый мир», по соседству. То, что Александр Исаевич именуется в «Невидимках» «сравнением редакций», нужно назвать «сравнением разных перепечаток» одной и той же редакции. В дневнике, который стала вести с октября 1968 года, я всякую совместную работу с Солженицыным именовала — для конспирации — «текстологией». Адресовала свои записи «будущим текстологам». Мне ни на полсекунды не влетало в голову, что этим далёким адресатом буду я сама.

В начале 1968 года Солженицын попросил меня сделать замечания по тексту «Круга-87» — письменно, на отдельных листках каждое. Что я накатала — не помню, но у меня есть его письмо, датированное 10 апреля 1968 года; в нём он откликается на эти мои заметки, в частности об

автобиографическом герое Глебе Нержине: «Заметки по роману, такие добросовестные и горячие, и упрёчные, так растрогали меня, что захотелось вот сейчас же ответить <...>. Обязательно проведу сейчас переделку романа — но почти только для собственного удовлетворения, потому что всё — в пустой след, и РК и “Круг” выйдут, и узнаются, и запомнятся в каких-то неокончателных, недоправленных редакциях. И многое непереносимо слабое, что в романе есть» и что в заметках показано — «увы, уже не убрать, так и опубликуют. Больше всего я люблю в вещах самые последние редакции — 6-ю, 7-ю, где дожимаются вершки. И почти никогда не удаётся мне спокойно сделать их. И вот к 50 годам все вещи разлетелись, ушли из рук — а ощущения совершенства так и нет, не состоялось. Сколько я слышал восторгов по поводу “Круга” от людей, очень искушённых в л-ре, вообще от людей большого кругозора — и никто мне до сих пор не указал такой простой и такой явной (когда названа) вещи: что Нержин — голубой... Ведь верно! И — поздно...»⁷.

Письма Александра Исаевича и мой собственный, убогий и самоцензурированный, дневник иногда помогают мне в работе, при почти полном отсутствии в моём распоряжении архивных материалов-первоисточников, за исключением всех сохранивших редакций романа, предоставленных мне Александром Исаевичем и Наталией Дмитриевной.

Да ещё Елена Цезаревна Чуковская с любезной готовностью передала мне упоминания «Круга» из записей своих и Лидии Корнеевны и кое-что добавила устно.

В 70–90-е годы Солженицын помнил далеко не все перипетии редакций, перепечаток, хранений и прочего. Этого вообще нельзя запомнить, не записав. Он насчитывал семь редакций, включая две первые (рукописные и давным-давно уничтоженные). На самом деле редакций было восемь. Одна, «искажённая», по определению А.И., т.е. превращающая «Круг-96» в «Круг-87», с заменой атомной пружины на лекарственную, тоже была уничтожена. Анализ определил и этот провал в текстовом развитии романа, и основу, на которой была проведена «искажительная» редакция 1963/1964 года. Одновременно прояснилась и причина уничтожения этой редакции. Дело в том, что за основу был взят один из двух строго конспиративных экземпляров авторской машинописи 1961 или 1962. Солженицын называет её «плотной» машинописью (напечатана на полулистах, с двух сторон, почти без полей и интервалов). К счастью, сохранилась одна глава этой уничтоженной редакции. Так как от редактуры и вставок «плотная» машинопись распухла и разломатилась, хранить её потаённо было уже невозможно. И она отправилась в огонь.

Текстология разъяснила ещё одну путаницу в свидетельствах Солженицына.

В «Телёнке» он пишет, что *все четыре* экземпляра «Круга» новомирской машинописи, опечатав их у новомирского вахтёра-стукача (для самиздатского алиби), он отнёс 7 сентября 1965 прямо к В.Л.Теушу, где оставил только три (они и были арестованы 11 сентября и пропали в недрах ГБ). А один отнёс в редакцию «Правды» и ещё один (?) «через сутки» отдал в ЦГАЛИ⁸. Но поскольку цгалийский экземпляр имеет густую авторскую правку, эта версия отпадает совершенно. В редакции такие экземпляры не носят (да и не принимают).

Более точную версию Солженицын изложил на пояснительном листе для моей текстологической работы. К Теушу он отнёс *только три* новомирских экземпляра, а четвёртый попал в ЦГАЛИ. Но упорно настаивал, что это был совершенно «пустой» экземпляр и смотреть его мне не следует. Между тем в цгалийской описи солженицынского фонда ясно зафиксировано: машинопись с правкой автора. Раз экземпляр побывал в руках автора, текстолог обязан его изучить.

Даже когда в ноябре 2000 я сообщила Александру Исаевичу, что цгалийский экземпляр «Круга» содержит большую авторскую правку, в которой я сейчас разбираюсь, он продолжал упрямыться:

— Эти экземпляры из «Нового мира» никуда не годятся. Я с ними не работал.

А дело обстояло так. Один новомирский экземпляр отбил от других ещё летом 1964 года, когда в «Новом мире» 11 июня состоялось многочасовое обсуждение романа, ибо Твардовский всерьёз вознамерился его напечатать. (Хрущёв ещё не был снят, а его помощник В.С.Лебедев, сыгравший свою роль в истории с «Иваном Денисовичем», не читал ещё начала «Круга», которое повергло его в праведный партийный гнев.)

Выступавшие на обсуждении члены редакции, а затем и внутренний рецензент М.А.Лифшиц в своих замечаниях ссылались на страницы новомирской перепечатки. Естественно, что автору для ответов была предоставлена одна из машинописных копий. Этот экземпляр весь испещрён правкой Солженицына, ибо прожил у него больше года — с июня 1964 до осени 1965, времени сдачи в ЦГАЛИ.

Разобравшись, я поняла, что правка цгалийского экземпляра частично состоит из переносов с рабочего экземпляра «Круга», а частично — это творческая правка, никуда не попавшая, но сверхценная по своей природе, которую Солженицын в 2001 году, при рассмотрении паспорта, принял и авторизовал собственноручным «да» в графе «Решение автора».

Правда, для начала подозрительно спросил: «А это моя правка?» — «Александр Исаевич, — простонала я, — чёрными чернилами...» Далее он не сомневался: солженицынская правка всегда целеустремлённо улучшает текст, поэтому я никогда не колебалась в случаях так называемой «воздушной правки», которая всегда возникает при авторской перепечатке. Спутать её с опиской невозможно.

Приведу только один пример цгалийской правки.

В главе 32 («На путях к миллиону») профессор Челнов, блистательный математик-зэк и редкий мудрец, высказывал мысль, близкую одно время Солженицыну: «Только зэк наверняка имеет бессмертную душу, а *вольняшке* бывает за суетою отказано в ней»⁹. Столь узкое и надменно-неосновательное зэковское самохвальство не подходило человеку духовно свободному. И Солженицын исправил в цгалийском экземпляре: «Душу, да ещё бессмертную, не всякий человек успеваешь в себе осознать за суетою».

Между прочим, без автора эту боковую правку из другого экземпляра текстолог не мог бы внести из-за жупела контаминации.

Другой системный текстологический казус возник в главе 44 («На просторе»), где три машинописные копии правились по-разному, а в дальнейшую перепечатку попал экземпляр с неполной правкой (а сам исчез, не сохранился!). И любимейшая работа Солженицына над «последними вершками» осталась в экземпляре, который в качестве своеобразной архивной ухмылки лежит себе на виду, в той самой редакции, которая служила автору источником для следующей перепечатки. С такими «играми» текстолог встречается постоянно. В результате в одной этой 44-й главе пришлось сделать 22 стилевые поправки.

Как известно, Солженицын, по соображениям конспирации и стеснённого быта, сжигал все подготовительные материалы к «Кругу»: планы, заготовки, черновики и пр. и пр.

К счастью, шесть листочков, относящихся к работе над «Кругом», оказались всё же в ЦГАЛИ. Одна запись озаглавлена рукою Солженицына «Для АТТ» и содержит ответы на замечания Твардовского по «Кругу» в 1964 году. Там есть такой пункт: «После “Ковчега” композиционно *необходим* громадный взлёт арестантской вольницы. Это может сделать только “Князь Игорь”» (речь идёт об игровом суде над оперным героем; действие, распространённое в молодёжной среде 20–30-х годов).

Что бы я поняла в этих строках без своего дневника?! Но, к счастью, в нём нашлась запись от 22 ноября 1968 года: «А.И. очень доволен “текстологией” и шуточно предлагает выдать мне письменное разрешение править его рукописи по моему усмотрению.

— Прекрасно, — отвечаю. — И я воспользуюсь этой бумагой, чтобы исправить...

— У Горького?..

— Нет, у Солженицына. «Суд над князем Игорем». Выкину или сокращу. Во всяком случае, всё оперное.

Ему же эта глава нравится. Хотя ещё два человека, кроме меня, рекомендовали её убрать: Твардовский и Евтушенко».

И становится понятным, на какое замечание Твардовского возразил Солженицын в цгалийской заметочке. Думаю, однако, что не композиционный просчёт имел в виду АТТ, а художественный: снижение своеобразной солженицынской смеховой стихии (главы «Улыбка Будды», лекция на шарашке «Диалектический материализм — передовое мировоззрение» и др.) до чужеродного капустнического юмора.

В той же бесценной цгалийской единице лежит клочок тёмной бумаги, похожей на обложку школьной тетради, с двумя одинаковыми пометами зелёной шариковой ручкой — *III* (т.е. Шарашка). Такие зелёные пометы, пояснения Александр Исаевич делал на своих рукописях, передавая их в ЦГАЛИ в 1965 году.

В КОМНАТЕ № 15

1. Букгаков (математик)	Костюков
2. Сухов (физик)	Сушин
3. Моторный — Колбасов — Гуцев (химик)	Гарбузов
4. Синицык (геолог) <i>III</i>	Васильев
5. Курчёнков (географ) <i>III</i>	
6. (физик)	Ревич

10 ИЮЛЯ

Около «Курчёнкова» я бы и сама поставила *III*, ибо так именовался вплоть до четвёртой редакции один из основных персонажей романа — Валентуля. Да и внешность его вполне совпадала с семантикой фамилии: узкоплечий, щуплый, тонконогий. Потом он будет переименован в Окорёнкина (тоже что-то куриное) и, наконец, получит фамилию Пряничков (содержащую нечто детски-простодушное, звонко-колокольчатое, как и голос Валентули).

Что касается даты, то она безусловно связана с основанием Марфинской шарашки 9 июля 1947 года, причём «летним вечером». Так что в ра-

бочей комнате № 15 зэки могли собраться только на следующий день — 10 июля.

Примечательным мне показалось и число фамилий, упомянутых в цгалийском клочке, — 12. В мае 1969 я записала слова Александра Исаевича: «9 июля — открытие Марфинской шарашки. Нас 12 человек зэков-основателей. Потом этим обстоятельством даже гордились».

Я уже готова была сделать вывод, что в сохранившемся обрывке перечислены основатели шарашки. Но всё же — для осторожности — показала копию листочка Александру Исаевичу 2 мая 2001, когда наша десятичасовая текстологическая страда была закончена и он находился в благорасположенном настроении.

В левом столбце он сразу признал три фамилии (Гущев, Сухов, Моторный) — из Ростовского университета, где учился. Затем стал делать поправки: мол, Курчёнков — не географ, Синицык — не геолог. Но тут я позволю себе предпочесть молодую память 1955 года. В первом случае профессия прототипа (географ) была вытеснена в памяти романной профессией героя — инженер. А след «геолога» Синицыка мы находим в 3-й главе «Круга», где в арестантской многоголосице всплывает фраза о составе шарашки: «Даже одного геолога по ошибке завезли»¹⁰.

Фамилий из правого столбца Солженицын вообще не помнил. Не сразу, но я поняла почему. В левом столбце стоят фамилии реальных лиц, тех, кто намечался в прототипы героев задуманного ещё в Марфине романа о Шарашке, а в правом — предполагаемые фамилии вымышленных персонажей. Вот почему под 3-м номером слева стоят три фамилии, а справа — одна (иногда персонаж имеет два или даже три прототипа). Вот почему прототип Сухов получил близкую романную фамилию Сушин. Вот почему у прототипа Курчёнкова нет никакой иной фамилии в персонажном столбце — герой «Круга» сохранит её в первых редакциях.

Позволю себе предположить, что за стоящим на первом месте математиком Букгаковым, превращённым в правом столбце в Костюкова, скрыт след будущего автобиографического героя. Ведь корень фамилии *кост* переключал потом в фамилию Костоготов, а Солженицын с бухты-барашки своих героев не называет, тем более автобиографических. Кстати, неудобнопроизносимое «кг» в фамилии прототипа торчит как некая «фонетическая кость»...

Вместе с обрывком плохой бумаги, свидетельствующим об убогом обиходе ссыльного, выплыла из небытия первая песчинка будущего «готического собора» — так назвал «Круг» Генрих Бёльль¹¹.

В статье к прошлому юбилею Солженицына я заметила, что при создании своих героев он «использует разные стадии своего развития и

разные свойства своей души»¹². И перечислила персонажей «Красного Колеса», в которых видела автобиографический подтекст. Александр Исаевич в телефонном разговоре подтвердил мою догадку. Потом я обратила внимание на то, что фамилии всех автобиографических персонажей, начиная с «Ракового корпуса», состоят, как и фамилия Солженицын, из четырёх слогов с ударением на третьем: Кос-то-глю-тов, Вор-тын-цев, Ле-нар-то-вич, Вар-со-нофь-ев.

Как говорила Цветаева: «Раз — случайность, два — подозрение на закон»¹³. А уж четыре раза, да ещё у Солженицына, это — сам Его Величество Закон. Правда, иногда и случай включается в художественную игру. Давая имя стержневому герою романа, свершителю безумного по смелости поступка, Солженицын назвал его Иннокентием, не зная, что это имя значит «невиновный». Потом Александр Исаевич говорил об этом с удовольствием.

Что же касается фамилии протагониста Солженицына — Нержина, то у меня сначала была твёрдая, но ложная уверенность, что она восходит к корню *нерж*, который штампуются на изделиях из нержавеющей стали.

Ещё в 60-е годы я читала автобиографическую повесть «Люби революцию», написанную в Марфинской шарашке¹⁴, а «закрытую» (т.е. законспирированную) лагерную поэму «Шоссе Энтузиастов» (теперь «Дороженька») перепечатывала в 1969-м. В обеих вещах автобиографический герой носил имя Сергей Кержин. В сборнике «Протеревши глаза» (1999) фамилия Кержин была закономерно заменена на Нержин, и только имя Сергей в поэме осталось, ибо односложный «Глеб» разрушил бы размер.

22 марта 2001 года я посетовала в телефонном разговоре, что мне не предоставлена возможность проследить по цгалийским материалам эволюцию автобиографического героя.

Александр Исаевич ответил:

— Я вам сейчас всё расскажу. На фронте я встретил название деревушки — Свержень, которое очень приглянулось¹⁵. Решил взять для фамилии героя, убрав «с», чтобы снять смысловую переключку с глаголом «свергать». Получилась фамилия «Вержин», которая казалась красивой. Потом изменил на «Кержин». Затем решил устранить созвучие со старобрядцами [кержаками], заменил первую букву.

— О созвучии с корнем *нерж* не думали?

— Нет.

— А почему Решетовская, говоря о «Круге», как-то назвала «Сергей и Надя»? Может быть, на первых порах фамилия Кержин фигурировала и в романе?

— Какое это имеет значение? — уже раздражаясь. — В первой сохранившейся редакции — Нержин, а остальное не важно.

— Ну это для вас не важно, а для исследователя всё важно.

Помрачнел, узнав, что текстологией моя работа не кончится. Будет ещё описание сохранившихся рукописей с фиксацией всех изменений в сюжете, композиции, характерах, стиле и прочее, и прочее. И только потом собственно история создания романа.

Выразил неудовольствие от такой громадной и «ненужной» работы...

— Значит, сколько же вы ещё будете обращаться ко мне со всякими вопросами?..

— За год первый раз.

— Да ещё триста предстоит!..

— Более трёхсот. Но вряд ли вы сочтёте их такими уж «ненужными».

Александр Исаевич с самого начала пытал меня, сколько текстологических казусов будет в паспорте. Сдуру я как-то лягнула: 30–40. Он удовлетворённо хмыкнул. Потом стала уточнять: счёт пойдёт на многие десятки, на сотни... На числе 300 он взорвался, и дальнейшую информацию я прервала; только твердила: «Вы не враг своего текста», «Не я же сама их сочиняю». Его бесил предстоящий расход времени при убывающих силах. Вплоть до 1 мая 2001, т.е. кануна нашей десятичасовой страды, он требовал, чтобы я поделила текстологический паспорт на две части: важную и не важную. Я категорически отказывалась.

Ехала в Лыково с тяжёлым чувством, но после первых же позиций паспорта А.И. совершенно переокрасился и был сверхвнимателен к любой мелочи. И когда на какой-то совсем уж пустяковине я извинительно проговорила: «Что делать — отрасль такая», он благорасположенно откликнулся: «Ну что вы — я понимаю».

Из 409 случаев он принял 314.

Среди них все разновидности искажающих «авторскую волю» наслоений, известных в текстологии: опечатки, описки, пропуски, перестановки, недоправки, недосмотры и т.д. Сам Александр Исаевич при авторской перепечатке почти не ошибается. Почти... Но и над ним властвует коварная ловушка, которую наборщики и редакторы именуют «козлом»: если соседние отрывки текста кончаются (или начинаются) одинаковыми словами, то глаз проскальзывает, теряя часть фразы или даже целую строку.

Вот один из примеров такой «дорогой пропажи» в главе 20 («Этюд о великой жизни»). Самодовольные воспоминания Сталина, как он «переиграл Черчилля и Рузвельта-святошу», содержали в автографе выразительный параллелизм: «Сделаешь вид — рассердился, они ищут, в чём

виноваты. Сделаешь вид — от любви размягчился, они уже — вдвое мягкие». После авторской перепечатки осталось лишь второе предложение и в осиротелом виде пошло по всем изданиям...

Только в сталинских главах несколько таких «козлов», а замечен был лишь один, при этом — что характерно! — вместо того, чтобы проверить по автографу, Солженицын создаёт так называемую конъектуру (новый вариант текста), иногда удачную, иногда не очень (если правка «Круга» ведётся много лет спустя, без погружения в текст, при отвлечённом внимании на другую работу).

Даже простая перестановка слов может нанести смертельный удар тексту. Есть в романе сценка, которая должна быть причислена к жемчужинам, — разговор Сологодина и гравёра-зэка в момент, когда оба — «на взлёте». Сологдин победоносно провёл рискованную операцию с шифратором, ведущую к верному и скорому освобождению («он слышал пение как бы вселенской победы»). Гравёр на свидании с женой получил очередную порцию похвал своим новеллам, которые он исхитрялся передавать на волю и которые вызывали у доверенных лиц такие вот отзывы: «Даже у Чехова редко встречается столь законченное и выразительное мастерство». При этом — обоим персонажам собеседник представляется «совершенно средним человеком». Сначала этот мотив — собственного «взлёта» на фоне заурядного человека — проигрывается гравёром. Затем переходит к Сологдину, чтобы повториться в тех же формулировках: перед ним «не вовсе глупый, но совершенно средний человек...». В машинописной основе 7-й редакции (1968) произошёл сбой: «вовсе не глупый...» — разрушивший узорный чертёж эпизода! И так пошло в дальнейших изданиях...

Свои тексты Александр Исаевич проверяет очень зорко, но сам никогда не считывает с автографом или авторской машинописью. И тут недосмотров не миновать. Пусть редких, но при большом объёме романа и многих перепечатках — исчисляемых сотнями.

Даже так называемые «зелёные точки» порою вымываются из текста (такие точки с конца 60-х Солженицын ставил на полях рукописи рядом со «своими» словами — из области языкового расширения). Когда Александр Исаевич увидел в паспорте вместо «очищенного ночного кабинета» Сталина восстановленное авторское: «очищённого ночного кабинета», он воскликнул: «Моё слово!» — и, как ястреб, накинулся на потерянную «золотинку».

Текстолог кропотливо и любовно протирает драгоценную поверхность текста, возвращая ей авторскую первозданность. А если ещё текстолог работает с самим творцом, то возможности исправлений неизме-

римо расширяются: всё недоправленное подлежит доводке, неудачные обороты, повторы и другие недогляды — устранению.

Михаил Леонович Гаспаров делит литературоведение на два разряда: точноведение и что-то ведение и напоминает этимологию наименования «филолог» — «любитель слова». Сергей Сергеевич Аверинцев формулирует ещё решительнее: «Филология — это служба при тексте».

Так что, господа филологи, не пренебрегайте текстологией!

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Солженицын А.И.* Бодался телёнок с дубом. М., 1996. С. 463.

² См. там же. С. 463–464.

³ См. там же. С. 464.

⁴ См. там же. С. 28.

⁵ См. *Решетовская Н.А.* Александр Солженицын и читающая Россия. М., 1990. С. 56.

⁶ *Твардовский А.Т.* Рабочие тетради 60-х годов // Знамя. 2000. № 7. С. 139.

⁷ «Голубой», т.е. идеализированный; современного смысла слово тогда не имело.

⁸ См.: *Солженицын А.И.* Указ.соч. С. 117, 118, 123, 125.

⁹ *Солженицын А.И.* В круге первом. М., 2004. С. 231. В гл. 86 такую же мысль высказывает Герасимович: «У вольняшек не было бессмертной души, добываемой экаками в их бесконечных сроках» (С. 706).

¹⁰ Там же. С. 18.

¹¹ Из статьи Г.Бёля «Мир несвободы» о романе «В круге первом» (журнал «Меркур». 1969. № 5); специально для Солженицына её тогда же прекрасно перевёл Ефим Григорьевич Эткин. Цитирую по экземпляру этого перевода, который А.И. подарил мне в июле 1969 года. В России статья Бёля была опубликована через 20 лет, в другом переводе (Иностранная литература. 1989. № 8).

¹² *Петрова М.Г.* Александр Исаевич Солженицын (к 80-летию со дня рождения) // Известия АН. Серия литературы и языка. 1998. Т. 57. № 6. С. 76.

¹³ *Цветаева М.И.* Собрание сочинений: В 7 т. М., 1995. Т. 6 (Письма). С. 225.

¹⁴ Солженицын был в трёх шарашках: Рыбинской (июль 1946 — март 1947), Загорской (март — июль 1947) и Марфинской (июль 1947 — май 1950).

¹⁵ Упомянута в лагерной поэме:

Отступаем — мрачен, наступаем — весел,
Воевал да спирт тянул из фляги.
Ола. Вишеньки. Шипарня. Бёсedy.
Свержень. Заболотье. Рудня-Шляги.

(*Солженицын А.И.* Дороженька. М., 2004. С. 73.)